

Экзгумация интеллигенции:

Националистические тенденции в современной российской интеллигенции

Гасан Гусейнов

* **Gasan Gusejnov** (born 1953 in U.S.S.R.) is a philologist and literary critic. He graduated from the Moscow State University in 1975 and received his Ph.D. in 2001. In 1990, the Humboldt Fund in Heidelberg awarded Mr. Gusejnov a fellowship; between 1990 and 1991, he served as scholar-in-residence at the Bremen Institute of Eastern Europe. In 2007, Dr. Gusejnov was appointed to professorship at the school of Philology, Moscow State University. Since 2012, he also teaches at the National Research University, Higher School of Economics, and Basel University in Switzerland. Dr. Gusejnov is a principal investigator in the international research project *Catalogus Philologorum Classicorum*. He is author of numerous articles and books on classical philology, history of culture, and modern literature and politics, including *Dramaturgical Method of Platonov* (1981), *Aeschylus' Oresteia* (1082), *Aristophanes* (1988), *Our Homeland's Map: Between Word and Body* (2000), *Materials for the Russian Socio-political Dictionary of the 20th Century* (2003), *Soviet Phraseology in Contemporary Russia Discourse* (2003).

Похороны советской литературы и советской интеллигенции¹, прошедшие в конце 1980-х-начале 1990-х годов и отмеченные несколькими блестящими публикациями – от Льва Аннинского² до Михаила Ямпольского³, - оказались преждевременными. Во-первых, людей, которые по-прежнему готовы называть и считать себя интеллигентами, довольно много.

Во-вторых, не стихают ярость и (само)бичевание интеллигентов, которые к двадцатому году пребывания у власти в России неожиданного нового монарха – Владимира Путина – стараются взбудоражить тонкую читательскую прослойку и обратить на себя внимание той среды, которая распоряжается в России государственными ресурсами. Часть этой прослойки настроена решительно против властей и монарха, часть – делает вид, что она выше политики, а часть вошла и трудоустроилась, и благоустроилась под омофором верховной власти.

Иначе говоря, ситуация структурно в точности повторила советскую⁴. Интеллигенция в целом никуда не делась. Но она стала все-таки в чем-то другой. В чем? В начале 1990-х годов предполагалось, что от интеллигентов останутся только прагматичные интеллектуалы⁵.

Со времени довольно широкого распространения грамотности и полутора ста лет не прошло, а отношения веры и знания, чувства и понимания остаются в России конфликтными, причем побеждает всякий раз чувство, а не мысль. Как брякнул Тютчев в 1866 году про непостижимость России с ее собственным измерительным инструментом – аршином, о котором почти никто из моих знакомых не может определенно сказать, сколько в нем более теперь знакомых метрических единиц, так это недоверие к разумному измерению и остается. Интеллигенция еще сильнее, чем прежде, сопротивляется рациональному самоописанию.

Между тютчевской формулой «умом Россию не понять» 1866 года и формулой политтехнологов «голосуй сердцем» 1996 года натянута непрерывная интеллигентская нить.

Роятся в воздухе формулы интеллигентской премудрости – «если надо объяснять, то не надо объяснять», «сами должны понимать», «если мы это сделаем, нас не поймут». А вот если мы чего-то не сделаем, но сможем эту бездеятельность душевно обрисовать и растолковать, то к нам даже и сочувствие испытают. Понимая немилосердность наших обстоятельств, простят современному интеллигентному человеку как раз слабость ума.

---

¹ Gussejnov, Gassan. Die Intelligenzija: Verlust des Selbstbewußtseins oder Untergang als soziale Schicht? – Bremen: Forschungsstelle Osteuropa, 1996, 55 S. (= Arbeitspapiere und Materialien. Nr. 12. Rußland. August 1996.

² Аннинский, Лев. Вытеснение интеллигенции. Просуществует ли она до 2000 года? // Огонек, 1992, № 29-30, с. 28-29; Ерохин, Алексей. Чучело интеллигенции // Московские Новости, 15.03.1992.

³ Ямпольский, Михаил. Изнасилование покаянием // Литературное Обозрение, 1991, № 8, с. 89-96.

⁴ См. подробнее в исследованиях: Beyrau, Dietrich. Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsschichten in der Sowjetunion 1917 bis 1985. Göttingen, 1993.

⁵ Кордонский, Симон. Интеллигенция в роли национальной элиты // Пределы власти, 1994, №1, с. 134-152.

Дескать, у него такое большое сердце, он так любит свою несчастную родину, так не хочет ей зла, так предан ее богоспасаемому, несмотря на всю его мерзостность, народу, что ну просто язык не поворачивается назвать всех этих людей ни по-ленински «говном»⁶, ни как-то еще, возможно, еще более обидно.

И хотя после Ленина поэт Александр Башлачев довольно вразумительно сказал, что для человека, наоборот, большая честь понять, что он дерьмо, распространять это требование на всю русскую интеллигенцию как-то боязно. Люди-то, в массе своей, такие же, как везде – не лучше, но и не хуже. Как сказал покойный Ф.М. Достоевский на похоронах покойного Н.А. Некрасова, «не выше, но и не ниже Пушкина». С каким-то тогда еще ведомым аршином подошел к измерению национального горя Достоевский. Ведь смерть поэта – это национальное горе. А может, и нет. При жизни-то их мало ценят, а помрет, вдруг сразу выясняется, что это было солнце русской поэзии, которое безвременно закатилось, оставив интеллигентных людей сиротами.

Вот почему естественная смерть, например, выдающегося кинорежиссера может восприниматься в России как смерть режиссуры вообще, смерть незаслуженно забытого писателя как смерть литературы вообще и т.д. Формула «разум отказывается принять смерть такого-то» – страшно популярна. Возможно, что именно сейчас, в середине июня 2018 года, русская интеллигенция сталкивается с последним актом драмы служения отечеству без понимания, на которую почти сто лет назад указал другой известный интеллигент, Георгий Федотов, пригвоздивший среду, к которой сам принадлежал, словами об «идейности ее задач и беспочвенности этих идей»⁷.

Эти слова много раз толковали и перетолковывали, а в советское время произвели полезное разделение на интеллигентов и интеллектуалов⁸. Дескать, интеллигентный человек в русском понимании – это существо тонкой организации, наделенное эмпатией, или способностью войти в чужое положение, проникнуться, например, и интересами народа, и мечтами начальства. А интеллектуал – это холодный работник умственного труда, вроде всяких технарей. Ранее работавшие в закрытых городах и почтовых ящиках самые способные из засекреченных ракетчиков и прочих физиков при первых сигналах послабления диктата КПСС и КГБ просто взяли ноги в руки и перебрались на новые родины по всему свету⁹. Некоторые из них, правда, и на новом месте остались интеллигентами и поэтому плохо спят, то и дело пробуждаясь от дурных вестей с бывшей родины.

Остальные интеллигенты остались на месте. И вот уже новая, постсоветская, интеллигентская тоска размыкала людям душу.

---

⁶ Письмо А. М. Горькому 15 сентября 1919 // Ленин В. И. Полное собрание сочинений, изд. 5-е. — М.: Издательство политической литературы, 1970. — Т. 51. — С. 48.

⁷ См. Померанц, Григорий. Выход из транса. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017, с. 192, 249 и др.

⁸ Егоров, Николай. Интеллигент – интеллектуал – интеллектурий // Независимая газета 03.12.1994.

⁹ Академик [Алексей] Абрикосов находит плюсы в «утечке мозгов» на Запад. Интервью с Сергеем Лесковым // Известия, 05.05.1993.

В формуле Георгия Федотова об «идейности (т.е., до некоторой степени, придуманности) задач» и «беспочвенности (т.е. до некоторой степени фиктивности) идей» была известная логическая красота. Да, задачи перед собой эти люди ставят идейные, т.е. беспочвенные, но все же позитивные: пусть и служишь ты начальству немилосердному, но о простом человеке печешься. Уважаешь простого человека. Не то чтобы последнюю рубашку ради бедняка снимешь, но приветитишь его добрым словом, порадуешь вниманием к бедам простого человека в тисках неблагоприятных обстоятельств. Преподаешь урок музыки, ваяния или зодчества. Другое дело, что тебе приходится при этом брать на себя неприятности, которые возникают из-за понятной близости к властям. Сначала – к советским, а потом – к тем, которые бог послал. Отсюда и самоедство, и страшные терзания интеллигентных людей от необходимости – для народной же пользы – оказываться поближе к начальству, к властям. Это вынуждало советскую интеллигенцию следить за белизной одежд¹⁰. Или, по крайней мере, делать вид, что следишь¹¹.

В советское время, например, в интеллигенцию не брали за близость к чекистам и за антисемитизм. В качестве легитимирующего в статусе интеллигента признавалось и плебейское¹², и аристократическое происхождение («аристократы духа»). По миновании советской власти¹³ и по случаю убийства интеллектуалов, у понятия «интеллигент» несколько изменилась конфигурация. В 1990-е годы в обществе шло интенсивное обсуждение причин этой перемены – духовных¹⁴, которые некоторые видели в новом безбожии, и материальных¹⁵. Главной площадкой таких обсуждений на протяжении почти целого десятилетия были ежедневные газеты, еженедельники и толстые журналы. Книги проходили незамеченными¹⁶. Но шла и скрытая от публики работа по аппаратному переподчинению интеллигенции.

Возможно, в связи с наплывом англо-американизмов, в довольно иностранном слове «интеллигент» послышалось выражение *intelligent Service*. Пахнуло спецслужбами. За минувшие два десятилетия все чаще слышишь, что только сейчас, через двести лет после того, как об интеллигентах впервые осторожно заговорили русские писатели, у власти в России оказались настоящие интеллигенты. Политики-разведчики, способные следователи и прокуроры, надзиратели и мастера проникновения в сознание других людей. В кильватере спецслужбистов идут интеллигенты попроще, я бы их назвал «понятливыми» (их, кстати, и в понятия охотно берут), предупредительные люди, которые на лету ловят замыслы начальства и отливают их, как и прежде, в соответствующую художественную форму.

---

¹⁰ Степанян, Карен. Разум, любовь и свобода. Книги об исторических судьбах интеллигенции // Знамя, 1993, № 5, 199-203.

¹¹ Нуйкин, Андрей. Интеллигенты заготавливают алиби // Столица, 1993, № 2, с. 8-10.

¹² Аверинцев, Сергей. «И... дальше говорить не о чем. Мои родители были плебейского происхождения. Оба. // Независимая газета, 03.01.1992.

¹³ В России оставались совершенно не известны западные исследования русского понятийного аппарата вроде: Müller, Otto Wilhelm. *Intelligencija. Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagwortes*. Frankfurt: Athenäum Verlag, 1971.

¹⁴ Роднянская, Ирина. О новом атеизме // Вопросы литературы, 1990, № 8, с. 50-59.

¹⁵ Зенкин, Сергей. Хлеб и воля. В поисках духовной свободы // Независимая газета, 30.04.1992.

¹⁶ Даже такие важные, как Гудков, Лев и Дубин, Борис. *Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях*. Москва-Харьков, 1995, 188 с.

И все же, все же даже наличие в самоназвании мыслящего класса России латинского слова, обозначающего «понимание, которое связывает людей», чекистская составляющая требует от своих служак и адептов еще и горячего сердца. Идейность новых наследников советских вертухаев и следователей, организаторов лагерного строительства и карательного аппарата, помноженная на любовь к родине и желание процветать любой ценой, дала поразительный по своим последствиям результат.

Эти люди поняли, как можно раз и навсегда практически решить вопрос об окончательном удалении из национальной памяти ее, этой памяти, инструмента – документа.

Интеллигенты нового пошиба так устали от обвинений, которые со всех сторон валились в последние годы и на почивший в бозе совок, и на вставшую с колен новую Российскую Федерацию, что решили провести, можно сказать, последнюю ликвидацию. Именно так надо понимать работу по уничтожению документов неприятного советского прошлого, начатую, возможно, весной 2014 года и вот только сейчас попавшую на ленту новостей.

В конце 1980-х годов в «Вопросах истории» были напечатаны найденные к тому времени документы о Катынском расстреле. Особый интерес представлял метадokument хрущевского времени, в котором обосновывалась необходимость уничтожения всей документальной базы этой карательной операции. Вместо конкретных личных дел казненных осталась бумага, в которой черным по белому было написано, что документы уничтожены, поскольку дальнейшее их хранение «не в действительных интересах и польской стороны»¹⁷.

И сегодня интеллигенты в погонах и в рясах готовят своих подопечных к торжеству старинного аршинного чувства. Уж поверьте нам, говорят чекисты, вам же будет легче не знать недавнего прошлого своей страны или семьи.

Ведь деда или прабабку вашу уже не вернешь, зачем же сеять недоверие к самой уничтожившей их системе? Сможете ли вы созидать современную, новую Россию, если ваши мысли будут заняты недобрым чувством к матери-родине? Вы же интеллигентные люди! Должны понимать серьезность момента. Поддержать отечество, каким бы боком оно подчас ни поворачивалась лично к вам.

Хорошо, что многие понимают. Идут навстречу режиму. Думают про себя: «Пусть уж лучше в похоронной команде исторических документов будем мы, а не какие-то неизвестные негодяи! Вон их сколько набежало в последнее время – родине служить! А мы, как, впрочем, и всегда, готовы на все... Тем более, что у нас и доказательств-то никаких нет, что Советский Союз существовал, что прихвостень мировой закулисы Солженицын не высосал из пальца весь этот свой архипелаг. Где это видано – архипелаг

---

¹⁷ Записка председателя КГБ при СМ СССР А.Н. Шелепина от 3 марта 1959 г. №632-Ш с предложением ликвидировать все дела по операции, проведенной органами НКВД в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. // <http://katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=42> (режим доступа 9.07.2018)

на суше? На вечной мерзлоте? Мираж, господа! И – вы не забыли? Поменьше гнева. Дьявол, товарищи, начинается с пены на губах ангела!»

Эта сентенция про ангела и пену на его губах, которую любил повторять Григорий Померанц, собственно, и воплощает мысль Федотова о «беспочвенности задач». Лишь бы не утратить своей ангельской крылатости. Интенция говорящего эти слова не в социальном творчестве, а в словесном утешении.

Другой аспект процедуры захоронения интеллигенции как доказавшей свою фиктивность мы находим в концепции Виктора Марковича Живова. Вредная для модернизируемой страны маргинализирующая сущность интеллигенции в том, что та непрерывно фабрикует «фейковую», как сейчас сказали бы, социальную реальность в угоду собственным комплексам. Живов в 1999 году символически запечатывает аналитический интеллигентский дискурс¹⁸. Змея укусила себя за хвост.

Самоаналитическим теориям противостоит другая установка, которая превратила позднесоветских интеллигентов либо в функционеров национальных движений (так, выдающийся историк В.Г. Ардзинба (1945-2010) стал главой Абхазии и даже главнокомандующим ее (советской) армии, обеспечив выход республики из состава соседней Грузии и переход ее под фактический контроль России), либо в политтехнологов, консультантов по геополитике и экспертов.

Гуманитарные инженеры?

В середине июня 2018 года один из влиятельных постсоветских политтехнологов и позднесоветский интеллигент во втором поколении Марат Гельман в интервью телеканалу «Дождь» предложил новое наименование для всей прослойки активно сотрудничающих или играющих с государственной властью людей – «гуманитарные инженеры».

Оставшиеся вне этой квалификации люди не определились с новым самоназванием. Это – работники умственного труда, преподаватели, врачи, или тот сегмент так называемых бюджетников, который существует, главным образом, за счет налогоплательщиков, но деньги получает непосредственно от государства.

Свойства этой, можно сказать, остаточной интеллигенции таковы, что связь ее с интеллигенцией советской прослеживается невооруженным взглядом: жизнь деятельная протекает в условиях безропотного соблюдения принятых правил, или привязана к «почве», жизнь созерцательная протекает в огне споров, не выходящих за рамки разговора к политическому действию.

Не то в диаспоре, где у позднесоветской интеллигенции появилась возможность реализовать как раз те свойства и интересы, которые в реальности СССР могли не проявляться в силу общественно-политической нерелевантности интеллигенции или в силу наличия советской политкорректности. Опорные точки этой советской

---

¹⁸ Живов, Виктор. Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // НЛО, 1999, № 37, с. 12 и след.

политкорректности: интернационализм, невозможность прямого расизма, культ научности и атеизм, проповедь социального равенства.

Как только груз официальной идеологии был отринут, выяснилось, что как раз в интеллигентской среде в диаспоре ни один из названных признаков не востребован. Интеллигенция, оказавшись на Западе преимущественно в роли получателей социальной помощи, постепенно освобождалась там от пут советской идеологии. Расистская и праволиберальная антисоциалистическая риторика стала господствующей в советской и постсоветской интеллигентской диаспоре от Израиля до США. Лишь незначительная доля бывших советских интеллигентов, добившаяся относительно высокого профессионально-социального статуса, примыкает к леволиберальной современной части соответствующих сообществ. Большинству тех, кто вынужденно оказался в социально и культурно менее благоприятных обстоятельствах, чем рассчитывал, пришлось резко сдвинуть шкалу ценностей. Настроения и строй мыслей новой русской интеллигенции сблизились с идеологией новой европейской правой, представленной на современной политической сцене в США – Дональдом Трампом, а в Европе – премьер-министром Венгрии Виктором Орбаном, премьером Италии Джузеппе Конте, президентом Польши и несколькими другими государственными деятелями. По умолчанию скорее леволиберальное интеллигентское большинство позднесоветского времени сменилось за первые два десятилетия 21 века новым большинством.

Это новое интеллигентское большинство мыслит преимущественно национальными, а не интернациональными категориями. Оно враждебно относится к новым условиям глобализма. Оно, вместе с большинством, боится беженцев и бедных. Оно тяготеет к обскурантизму (в России это выпячивание сугубо частного факта собственной религиозности или принадлежности к правящей конфессии называют «воцерковленностью»).

Оно незаметно прервало глубокие связи с бывшими колониями Российской Федерации – странами Южного Кавказа и Центральной Азии. Прекратила существовать государственная система поддержки и русификации так называемых литератур народов СССР. Из школьной программы и репертуара издательств постепенно вымываются писавшие по-русски писатели из бывших колоний (от Чингиза Айтматова и Василя Быкова до Юрия Рытхэу и Фазиля Искандера). Нужно заметить, что этот процесс начался задолго до падения СССР. Одним из сигналов будущей «национализации» интеллигенции был эпизод солидарных нападок на Олжаса Сулейменова. В середине 1970-х гг. против книги этого русскоязычного казахского поэта, книги, в которой развивалась концепция двуязычия, отраженного, с его точки зрения, в тексте «Слова о полку Игореве», развернулась настоящая травля. Шла она под знаком открытой критики сочинения как не научного. Вместе с тем, недоказуемость и научная несостоятельность многих элементов концепции Сулейменова не отменяла важного факта исторического сосуществования славянских и тюркских языков, продолжавшегося и столетия спустя. Но критики Сулейменова именно в этом усмотрели подрывную деятельность казахского поэта. Внешний академический лоск и опора на научность стали для многих так называемых интеллигентных людей испытанием их здравомыслия, и они этого испытания в большинстве своем не выдержали. Страстно выступавший против книги Сулейменова Д.С. Лихачев и сам испугался поддержки, которую ему в борьбе с книгой оказывали

шовинистические круги позднего СССР. «Слово о полку Игореве» защищали от Сулейменова так, будто он посмел немножко присвоить «своим», «тюркам» национальное достояние только русских¹⁹. По миновании советской власти вся риторика «дружбы народов» и «расцвета многонационального государства» сошла на нет. Интеллигенция нового века по преимуществу разделяет националистические, или, во всяком случае, изоляционистские взгляды и настроения, мало чем, во всяком случае, в отношении представлений об «этничности», «нации и языке», «идентичности» и т.п. сигнальных понятий, отличаясь от интеллигенции в других республиках, самые видные представители которой быстро становилась функционерами «национальных возрождений».

В 1920-х гг. Лев Троцкий называл интеллигенцию в России «щупальцем Европы», которое связывает Россию и Запад. К концу 1980-х Россия достигла, несмотря на жесточайшие откаты в 1930-х-1980-х гг., максимального сближения с Западом. За почти три десятилетия наметился серьезный откат с этих позиций. Интеллигентский дискурс стал провинциально-национальным – даже у тех, кто непосредственно власти не обслуживает. Тональность разговора о «своем» и «чужом» в России напоминает сегодняшнюю Венгрию, а вовсе не еще космополитическую Россию начала 1990-х годов.

Вместе с советской идеологией из дискурса интеллигенции выпали и те элементы, которые были характерны для империи, в том числе – этнокультурная пестрота и терпимость в отношении «инородцев», «инаковерующих» и «инакомыслящих». Открытое общество, которое, как казалось в конце 1980-х-начале 1990-х гг., прийти на смену советскому идеологическому диктату, открылось вовсе не в сторону западного плюрализма, светского и вместе с тем социально-ориентированного государства. Наоборот, новая Российская Федерация поддержала, а потом сама оперлась на другие ценности.

Это – традиции религиозной нетерпимости и националистического обскурантизма. В 2018 году депутат Госдумы России Тамара Плетнева, урожденная немка Поволжья, получившая высшее образование и работавшая учительницей в советской школе, опубликовала воззвание к гражданкам России, чтобы те во время чемпионата мира по футболу не вступали в сексуальные контакты с представителями «других рас», ибо это опасно для потомства, от которого потом придется-де отказываться родителям. Отпрыск семьи, непосредственно пострадавшей от расистской национальной политики советского государства (родители ее были сосланы в Сибирь как немцы), оказывается носительницей глубоко архаичных представлений.

Карикатурный, гротескный характер выступления Тамары Плетневой – часть другой традиции интеллигенции XX века. В ней Россия – объект сексуального вожделения, а интеллигенция – сводница и/или соблазнительница чистой девушки. Возможно, избыточная ярость гротескного, или то, что на современном русском языке называют «стебом», ерническим, саркастическим и даже сардоническим осмеиванием оснований жизни, делает медленный дрейф от цивилизации к дикарству менее заметным. Может быть, и в самом деле, это интеллигенция ведет, в поэтическом представлении

---

¹⁹ Шнирельман, Виктор Александрович. Хазарский миф: идеология политического радикализма в России и ее истоки. М., Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2012, с. 53, 87 и др.

русских, деву-Россию под венец к насильникам – от Ленина и Сталина в начале XX века – к Путину в конце его²⁰.

В 2015 году популярный в России писатель Захар Прилепин в «Российской газете» представил целый каталог не совсем правильно родившихся и выросших на русской почве писателей: «Есенин действительно урожденный славянский парень, не дворянских кровей. У нас же, признаться, таких славянских ребят в поэтическом иконостасе не густо. Про Пушкина мы все помним — он ведь не только эфиоп был, но еще и немец. Державин и Давыдов — татарского племени. Шотландский Лермонт, еще немцы — Брюсов (Брюс) и Блок. Ну и так далее. И недруг есенинский — Маяковский — был дворянского рода, и даже Мариенгоф — сын русской дворянки. Есенин же — кровинка. Нацедили».

Конечно, можно сказать, что заявления Тамары Плетневой и Захара Прилепина – сугубо частные высказывания. Тем более, что собственно штатная интеллигенция, все еще читающая книги и овладевшая худо-бедно критической теорией, выступила с осуждением и осмеянием депутатки. Но вот Захар Прилепин остался со своей безумной «нацеженной кровинкой» вне поля общественной критики. Так материализуется окончательная маргинализация интеллигента «шестидесятнического» типа в бича («бывшего интеллигентного человека»), маргинализация, которую отмечали исследователи, когда брали глубокие интервью у представителей сословия на рубеже третьего тысячелетия²¹.

30 июля 2012 году в «Свободной прессе» Прилепин опубликовал нечто вроде краткой версии «Протоколов сионских мудрецов» – письмо товарищу Сталину от имени евреев, представляющих либеральную русскую интеллигенцию. Эксгумацию людей, попавших в жернова гитлеровско-сталинской истребительной машины как якобы обслуживавших эту машину продажных и неблагодарных интеллигентов, описывает новый русский интеллигент и писатель. Расово чистый персонаж пять лет спустя открыто и невозбранно отправляется на территорию Украины с интеллигентной целью: помочь уничтожить реально существующее соседнее государство – Украину, поскольку та мешает торжеству идеи «Новороссии».

Талантливый русский писатель Прилепин, перехватив знамя лидера национальной идеи у другого мастера слова – Эдуарда Лимонова, – возрождает свой «миф XX столетия». Другая интеллигентская Россия, та самая, которую Троцкий называл «щупальцем Европы» в теле консервативной автократии, не успела дистанцироваться от прилепиных и лимоновых с их новой мифологией. Вот почему место живых представителей мыслящего класса сумел занять эксгумированный новыми национальными мыслителями-государственниками труп неверного инородца и еврея-предателя преждевременно распущенной великой сталинской империи.

В «Письме товарищу Сталину» Прилепин обращается к своему богу:

---

²⁰ Rutten, Ellen. *Unattainable bride Russia: gendering nation, state, and intelligentsia in Russian intellectual culture*. Evanston: Northwestern Univ. Press, 2010.

²¹ Kochetkova, Inna. *The myth of the Russian intelligentsia: old intellectuals in the new Russia*. London: Routledge, 2010. 205 p.

«Ты сохранил жизнь нашему роду. Если бы не ты, наших дедов и прадедов передушили бы в газовых камерах, аккуратно расставленных от Бреста до Владивостока, и наш вопрос был бы окончательно решён. Ты положил в семь слоёв русских людей, чтоб спасти жизнь нашему семени...

Мы не желаем быть благодарными тебе за свою жизнь и жизнь своего рода, усатая сука. Но втайне мы знаем: если б не было тебя — не было бы нас. Это обычный закон человеческого бытия: никто не желает быть кому-то долго благодарным. Это утомляет!...»²².

Россия, «принесенная в жертву ради спасения евреев», – эта новая теодицея служителей культа Сталина возвращает в повестку дня России 21 века все вопросы, поставленные более столетия назад русскими интеллигентами в «Вехах» и позднее – в «Смене вех». Как в начале 1920-х и в начале 1990-х интеллигентская Россия разделилась на тех, кто не оставляет надежды понять эту страну умом, и на тех, кто именно за это готов пытаться, убивать и вести войну с остальным миром.

---

²² Захар Прилепин. Письмо товарищу Сталину // Свободная пресса, 30 июля, 2012, <http://svpressa.ru/society/article/57411/>.